

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Крестьянка-барышня

Дуню привезли из деревни в господский городской дом сразу, как ей минуло восемнадцать. Семья ее была большая, небогатая и родители были рады отдать дочку «в услужение» — лишним ртом меньше.

В господском доме Дуню переодели — выдали пару исподних сорочек и старое, но еще крепкое платье одной из барыниных дочек. Потом показали спальное место — на полатах в людской и рабочее место — в кухне, помощницей судомойки. Судомойка Агафья была пожилой полной бабой и ввиду частых приступов артрита уже плохо справлялась со своей работой. Дуню к ней приставили с целью подготовить молодую и расторопную замену.

В первые недели Дуня всего пугалась и всех дичилась. Уж слишком отличалась жизнь и быт барского городского дома от их незамысловатых деревенских будней. Один теплый сортир (специально для слуг!) чего стоит! А обеды — всем накрывали на большом столе в людской и подавали каждому (!) отдельную глиняную миску. Девушка с младенчества была приучена хлебать «шти» из общего чугунка. А хлеб — он был порезан на ровные ломтики и так, навалом, лежал на большом подносе — бери сколько хочешь; Но никто лишнего не берет, за пазуху не прячет — сытые все, не привыкшие регулярно голодать!

Первые дни Дуня сильно уставала: Агафья раз-два показав что надо делать, свалила на нее всю тяжелую работу, оставив за собой лишь протирку начисто господских тарелок и чашек. С непривычки к долгой стоячей работе у нее поначалу ныли мышцы спины и болели икры и ступни ног. Но постепенно она приноровилась и работа перестала занимать почти все ее время. Перемыть всю посуду большого дома, где проживало вместе с барской семьей еще человек тридцать обслуги три раза в день (завтрак, обед и ужин) не так просто, но при сноровке вполне реально.

Соседкой по полатам у Дуни оказалась Маруся — разбитная девка лет двадцати. Она приехала сюда на два года раньше Дуни и теперь вечерами «наставляла» девушку, рассказывая о местных нравах и достопримечательностях. Однажды она внимательно осмотрела девушку с ног до головы и внезапно спросила:

— К тебе уже приставал кто-нибудь?

— Как это?

— Ну, дура деревенская! Ну в уголке тебя никто из парней и мужиков не зажимал? За титьки и махонку не тискал?

— Не-ет;

— Странно. У тебя титьки вон какие здоровые! Как у взрослой бабы. Да и жопа у тебя налитая, вон как торчит.

— И чо, это плохо?

— Да нет, не плохо, только жди, тебя часто щупать будут, почитай каждый день! А иные ведь и до синяков жмут! Потом в бане все бабы таких «счастливиц» рассматривают, да шипят исподтишка:

— Вот мол, навезли молодых деревенских блядей, теперь на них, честных дворовых девушек и не посмотрит никто;

— Да я-то при чем? Ведь это мужики делают, а я что, виновата, если отбиться не сумела?

— Да им все равно, лишь бы сплетни собирать; Тебе бы лучше всего на Нила попасть

— тогда считай легко отделалась.

— А кто это — Нил?

— Это камердинер самого барина. У него даже своя каморка есть! Правда с одним окном, да зато отдельная! И постель мягкая, почти как господская!

— А ты откуда знаешь? Он тебя щупал?

Маруся усмехнулась:

— Щупал, конечно; Только не долго — титьки мои размером не по его вкусу. А вот тебя он навряд ли пропустит. И то, что никто из мужиков тебя пока не трогал тоже странно; Да уж, не иначе Нил запретил!

— А он что, командовать может?

— Да ты что? Если он кого не влюбит, тот мигом на конюшню отправится — розог получать. А то и обратно в деревню могут услатить!

— А чем это плохо?

— Ты чо, полоумная? Да после такой жизни обратно к матушке с батюшкой в услужение, на хлеб и воду? Да в поле спину гнуть от зари до зари? Ну уж нет!

— Так ведь щупают?

— Ну щупают, иногда и похуже что делают, но я лучше лапанье мужиков потерплю, чем обратно в деревню поеду. Я решила — за городского замуж выйду;

Вдохновленная такими «откровениями» подружки, Дуня на другой день тревожно озиралась, идя по длинным и полутемным коридорам «черной» половины барского дома. И не зря. Из-за угла вдруг вывернулся невысокий худощавый мужчина лет тридцати пяти.

— Постой-ка, красавица! Ты кто же такова будешь?

— Ду-уня;

— И что ты здесь делаешь, Дуня?

— Судомойкой нарядили;

— А лет тебе сколько?

— Девятнадцатый пошел;

— Ага; А я Нил Петрович, слышала про меня?

Дуня покраснела и еле слышно ответила:

— Слышала;

— И чего говорят?

— Да по разному;

— Уже запугали девку, балаболки брехливые. Вот что Дуня, ты меня не бойся!

— Да я и не боюсь!

— Ну-ка, сейчас проверим, — Нил вдруг притиснул девушку к стене и сильно сжал ее правую грудь. Дуня от неожиданности взвизгнула и резко вывернувшись из «зажима» стремглав понеслась в сторону кухни.

Вечером, глядя на то, Дуня часто краснеет и прячет глаза, Маруся спросила:

— Ну че, подружка молодая, пощупали тебя че ли?

— Пощупали;

— А кто?

— Нил Петрович.

— Так он все-таки глаз на тебя положил; Ну и как, долго щупал?

— Да не, он только разок за титьку успел, я сразу убежала!

— Да ты, я погляжу, кобылку необъезженную из себя строишь?

— Да не… Только мне маменька не велела мужиков до себя допускать! И махонку свою беречь пуще глаза наказала…

— Ма-аме-енька! Ей-то легко говорить — папаня-то твой волосатую манду ей небось каждый день молотит! Так ведь?

— Наверное…

— Да ты че, ни разу не слышала че ли? В одной ведь избе живете!

— Слышала как они пыхтят, а потом маменька от боли постанывает…

— Дура ты деревенская! От боли, как же! Это она от сласти постанывает!

— Как это?

— Вот свяжешься с Нилом, все узнаешь. А он теперь, как ты убежала, тебя из своих когтей не выпустит! Любит он таких упрямых объезживать.

И действительно, на другой день, дождавшись, когда Агафья вышла «до ветру» (старуха страдала запорами), Нил зажал Дуню уже в судомойне. Девушка неожиданно почувствовала на обеих грудях крепкие мужские руки и неловко повернувшись, чуть не упала в большой таз с мыльной водой. Однако, похотливый Нил Петрович, очевидно не хотел такого ее позора и ловко подхватил под мышки и поставил на ноги.

— Ну что, Дуня, чего пугаешься?

— Как чего, вас бы так за титьки-то, дяденька!

— Да уж, только у меня нет таких больших и красивых грудок, как у тебя!

Девушка покрылась густой краской, на глазах выступили слезы.

— Да ты не бойся меня Дуня, я с тобой по доброму поладить хочу! А грудки у тебя правда красивые, уж ты мне поверь…

Дуня вымученно улыбнулась и почти шепотом сказала:

— Спасибо на добром слове… дяденька.

— Пожалуйста, мне красоту похвалить нетрудно. Только какой я тебе дяденька? Зови меня Нил… Ну если кто чужой рядом — Нил Петрович. И знай Дуня, я тебя здесь никому в обиду не дам!

Вечером, уже без всяких расспросов, девушка коротко пересказала Маруське беседу с «Великим Нилом Петровичем».

— Ну-у, прямо так и сказал — «обижать не дам»? И не щупал больше, так ушел? Да видать девка ты его и правда чем-то зацепила. А он-то как, тебе понравился?

— Ну, не знаю. Мужчина вроде не старьёй, одет аккуратно, запах от него какой-то… господский.

— Еще бы, он ведь как барин-то в деревню на охоту ехать изволит, совсем как за хозяина остается. Вот и пользуется господские дикалоны.

— Чего?

— Ну это господская вода такая. Для запаху хорошего. Мазнешь там-сям понемножку, потом весь день такой дух стоит… Амбре называется. Да уж, повезло тебе подружка, ежели он тебя самолично охомукает, можешь на всех свысока поплевывать.

— А как это — охомукает?

— Известно как — приспособит тебя, чтоб его ублажала!

— Но ведь маменька…

— Ага, маменька наказала целку беречь, а то вожжами выпорет и крапивы в махонку

натолкает! Точно?

— Ага…

— Да не бойсь, Нил мужик хитрый и тертый. Он как-то так умудряется устроить, что девки от него и не брюхатеют и взамуж потом без позора выходят. Ты думаешь, че, первая у него такая молодая кобылка? Уж он-то поездил… Говорят, даже барыню нашу… Ну конечно когда помоложе был. Но об этом — тсс… , молчи, иначе мигом на конюшню под розги отправят. И Нил не поможет.

На следующий день Нил опять в отсутствие Агафьи зашел в судомойню. Он не стал подкрадываться, а открыто подошел и улыбнулся девушке:

— Здравствуй, Дуняша!

— И вам здоровья, дяденька… То есть, Нил Петрович!

— А что ты вечером делаешь Дуняша?

— В людской с девками сижу…

— И чем вы там занимаетесь?

— Да ничем… Волосы друг дружке расчесываем, да болтаем.

— А хочешь чайку попить с печатными пряниками?

— Кто ж не хочет?

— Тогда приходи ко мне вечером в комнатку. Знаешь где это?

— Показывали…

— Ну, придешь?

— Стра-ашно…

— Да ты не бойся, я тебя насиловать не буду. Мы с тобой все по доброму сладим, я же обещал!

Придешь?

Дуня с красными щеками и ушами только молча кивнула головой.

Вечером, она с бьющимся сердцем пробиралась в «каморку» всеильного Нила. Она тихонько поскреблась в дверь, но он сразу ее услышал и отворив дверь, за руку втянул девушку в комнату. Помещение, площадью метров пятнадцать, было занято столом с двумя стульями, шкафом для одежды и большой двуспальной кроватью. Впрочем, для Дуни это все было в диковинку — она ничего краше застланных рушниками лавок и некрашенных столов из тесанных досок не знала. В комнате было светло, гораздо светлее, чем в людской.

Освещением служила большая керосиновая лампа, прикрытая сверху пузатым стеклом.

Нил провел Дуню к столу и усадил на стул.

— Ну вот и молодец Дунюшка, что не струсил, пришла. Сейчас я тебя угощать буду.

Он достал из шкафчика на стене вазу и тарелки с угощениями, а с топившегося в уголке небольшого очага снял металлический чайник и поставил его на узорчатую металлическую подставку. Процедура заваривания чая, затем разливания его по фарфоровым (господским!) чашкам казались девушке священнодействием. Когда же Нил достал большие куски сахара и щипцами наколот из них дольки поменьше, Дуня даже дыхание затаила. В их деревне чай, да еще с сахаром, пили только в самых богатых домах. Остальные обходились липовым цветом и медом (у кого был, конечно).

Мужчина поставил перед ней чашку с ароматным напитком, придвинул вазочки с сахаром и пряниками. Они и правда были печатными, т. е. отлитыми в специальные формы и на них были изображены разные звери и непонятные надписи (Дуня, разумеется, была неграмотной).

Девушка потихоньку пришла в себя, пододвинула чашку, отпила, взяла кусочек сахара в рот и начала посасывать.

— Да чего ты его кусками-то? Давай насыплю тебе в чашку, вот этой ложечкой размешаешь и сразу сладкий будешь пить!

Чаепитие затянулось — Нил учил девушку манерам поведения за столом, рассказывал о назначении разных предметов сервировки. Наконец, Дуня с довольным вздохом откинулась на спинку стула и посмотрела на мужчину:

— Благодарствуйте за угощение Нил Петрович!

— Да не надо Петровичей, я ж говорил: как будем наедине, зови меня Нил!

— Хорошо… Нил.

— Вот и ладно. А теперь давай о тебе поговорим. Ты у нас девушка молодая, красивая, аппетитная…

— Какая?

— Ну, слюни на тебя многие пускают. Так понятно? Вот. А кто заступится? Только я здесь такую власть имею. Слово скажу — никто к тебе не подойдет.

— А что же с меня потребуешь… Нил, за свою заступу? Ведь у меня кроме девичьей чести и нет ничего…

— Да ты не бойся меня Дуняша. Я в этих делах опытный… Никуда твое девичество не денется. А замуж соберешься и перед мужем будешь честная.

— А как же…

— А вот послушай меня. У тебя вон грудки какие — большие да упругие. Вот если ты дашь мне их потрогать да погладить, ничего ведь страшного не будет?

— Так то оно так, только ведь стыдобушка какая дяденька… то есть Нил…

— Дуняша, да ведь вся твоя «стыдоба» тогда, когда тебя на людях за груди мнут, а мы здесь один на один, я потрогаю, поглажу, никто и не узнает…

— Ну если так… Только смотрите… Нил, ежели кто узнает, меня ведь здешние бабы со свету сживут…

— Никто не узнает! А бабы… Я им рот заткну, есть и на них управа. Ну. согласна?

— Дак от меня-то что надо? Вот я, вся тут.

Вот и ладно. Ты сиди тихо, не дергайся и громко не вскрикивай. Я тебе больно не сделаю…

Он взял Дуню за руку, подвел к краю кровати и нажав на плечо заставил сесть. Потом присел рядом и начал поглаживать легонько по голове. Дуня сидела напряженно, ожидая подвоха. Но мужчина все так же ласково оглаживал ее по спине, плечам, рукам. Нил, видя что она немного расслабилась, подложил ей под спину большую подушку.

— Вот так Дуняша, обопрись, отдохни на мягоньком…

Он снова уселся рядом, но оглаживал уже не спинку, а передок. Дуня снова слегка напряглась, но мужская рука скользила по ее телу почти не задерживаясь. Подходя к к низу живота девушки рука останавливалась и вновь шла вверх. Дуня, полулежа на мягкой подушке даже начала испытывать легкое удовольствие — никто и никогда ее так ласково не оглаживал, даже родная мать.

Вдоволь наглядившись, Нил наклонился к ней и шепотом сказал:

— А теперь грудочки, а Дуняша?

Девушка лишь слегка зарумянилась молча кивнула. Мужчина положил руку на одну грудь,

потом на другую. Он и не думал их больно тискать, как она ожидала. Слегка пожал и убрал руки.

— Дуняша, давай ворот тебе слегка расстегнем, а то через платье и не почувствуешь ничего…

— Боюсь я, Нил…

— Да ведь я через нижнюю рубашку только потрогаю, чего же бояться.

Мало-помалу, Дуня поддалась уговорам и позволила расстегнуть верхние крючки своего «барского» платья. Нил, растянул верхнюю часть лифа и одним движением «выпустил» груди девушки наружу. Но они, как он и обещал, были целомудренно прикрыты нижней рубашкой.

Добравшись до вожделенных предметов, мужчина начал их поглаживать и потискивать уже смелее, а потом вдруг начал целовать Дунины соски. Через такую ткань исподнего мужские поцелуи достаточно хорошо ощущались. Девушка от неожиданности едва не вскрикнула, но предусмотрительный охальник вовремя положил ладонь на ее рот.

— Тише, Дуняша, не бойся маленькая, я тебя не обижу… Дай только поцелую твои грудочки…

Девушка сидела с бьющимся сердцем: взрослый малознакомый мужик тискал и целовал ей груди, а она чувствовала что ей это приятно! Еще бы! Дуню вообще еще никто никуда не целовал (если не считать христосования на Пасху). Она обнаружила, что ее груди реагируют на эти поцелуи появлением горячих мурашек, которые сходят по бокам на живот и убегают куда-то в самый низ…

Наглядившись и нацеловавшись, Нил напоследок слегка покусал Дунины встопорщенные соски, от чего она издала какие-то полустоны-полувсхлипы. Потом он помог девушке засунуть груди на место и застегнуть крючки.

— Ну что, Дуняша, обидел ли я тебя? Было ли тебе больно или плохо?

— Благодарствуйте… Нил, ничем я не обижена…

— Завтра еще придешь?

— Да я бы не против… Только вот бабы… Я вот сейчас приду поздно…

— Я же тебе сказал — никто вякнуть не посмеет! А насчет меня — ругай да жалуйся!

— Как это?

— Ну, говори, охальник мол, старый, пристает, щупает, тискает, с бела свету сжить хочет… Ну как вы бабы причитаете? Мне что ли учить? Поняла?

— Поняла, Нил… Только зачем это? Ты ведь меня не обидел, даже наоборот…

— Чтоб не завидовали тебе. Если узнают, что я с тобой «лаской», а не «таской» — черной завистью изойдут! Поняла?

— Поняла…

— Ну, иди с Богом! Завтра жду.

Придя в людскую, Дуня ожидала косых взглядов, но нее никто не обращал внимания. Только Маруська, уже укладываясь спать шепотом спросила:

— Ну че, делал он с тобой че?

Дуня ответила как учили:

— Охальник он старый! Столько меня щупал, мучил-тискал, насилу вырвалась!

— Это он может… И не только он. А знаешь, ведь он от тебя не отстанет!

— Знаю, — окрысилась Дуня. — о том и горе горюю.

— Такая наша девичья доля — от охальников мучения терпеть…

— Ага, — разомлевшая от чаепития и целования груди Дуня зевнула и полусонным голосом сказала:

— Спи уже, рано вставать завтра…

Вечером Дуня уже не со страхом, а с нетерпеливым любопытством вошла в комнату Нила. Что-то он надумает с ней делать на этот раз? Попив чаю и съев пряник, Дуня не дожидаясь приглашения взяла мужчину за руку и подвела к кровати.

— Что сегодня со мной делать будете… будешь, Нил, какие шутки шутковать?

— Да какие шутки, Дуняша? Так поласкаемся немного, да и к себе пойдешь. Я тебя не обижу.

— Да уж, верю что не обидишь! Только, Нил, кручина у меня есть…

— В чем печаль Дуняша?

— Да я вчера так и сказала, как ты велел: мол силком зажимает, мучает-тискает…

Только ведь в субботу баня, а бабы, ежели синяков на мне не увидят, сразу смекнут, что я вру. Так что придется тебе меня помучить-потискать…

— Да уж, это действительно трудность… Только мучить или бить я тебя не буду.

— А как же синяки?

— А мы их сделаем моим способом, приятным. Сейчас покажу.

Нил усадил Дуню на кровать, расстегнул без всякого ее протеста крючки на платье — на этот раз гораздо ниже, почти до пупка и положил девушке руки на плечи.

— А теперь, Дуняша, давай твои красивые грудочки оголим…

— Как это? — вскинулась она, — это же стыд то какой!

— Ну какой стыд! Ты в деревне в баню ходила?

— А то!

— Мылись ведь мужики с бабами и девками вместе? А баня-то, наверняка еще и общая с соседями была? Ну вот и посчитай, сколько мужиков тебя голую видели?

— Так то баня…

— А у меня чем хуже? Мы вдвоем, никто не знает, не видит… А я тебя поглажу-поцелую немного, да и отпущу восвояси…

— Ну если так…

Нил молча взялся за широкие бретели «господской» ношеной сорочки и аккуратно спустил их с плеч девушки. Она еще поколебалась немного, прижимая ткань руками, потом опустила их и белый материал упал, обнажив спелые груди уверенно больше третьего размера. Упругие полушария дерзко топорщились темно-розовыми сосками с небольшими аккуратно очерченными ареолами того же цвета.

Нил погладил девушку по головке, как маленькую и ласково сказал:

— Ну вот Дуняша, ничего страшного и не случилось. Сейчас мы твоими грудочками полюбоемся, погладим их, поцелуем, а потом — наставим синяков.

— А как?

— Откинься на подушку, все увидишь.

Нил опять пристроился к полулежащей девушке, погладил и слегка потискал ее спелые полушария, а потом начал их ласково и сильно целовать. А сам руками наглаживал ее по голой спине. Дуню буквально захлестнули новые ощущения. Впервые в жизни ее тела касались не для того, чтобы ущипнуть, стукнуть или толкнуть, а чтобы приласкать! Она полностью улеглась на подушку, закрыла глаза и с горящими от смущения щеками отдалась

во власть ласковых и сильных рук. К концу сеанса девушка была полностью расслаблена, а вся ее верхняя часть «до пояса» оглажена и обцелована.

Мужчина с сожалением оторвался от спелых грудей с воинственно топорщащимися сосками и сказал:

— Ну, Дуняша, теперь займемся синяками.

Девушка нехотя открыла глаза, сладко потянулась и сказала:

— Давай… А как?

— Вот смотри!

Нил взял ее слегка возбужденную грудь, приник к ней губами, покрыв довольно большую поверхность и стал осторожно, но сильно, тянуть нежную кожу внутрь своего рта. Дуне было вначале немного щекотно, потом от прилива крови возникли слегка неприятные ощущения. Девушка непроизвольно потянула стиснутое полушарие на себя и мужчина с громким вздохом оторвался от ее тела.

— Вот, смотри!

Нил опять отпустил ее грудь и подвел к зеркалу, висевшему на противоположной стене. На бело-розовой превосходной и гладкой коже расплылось большое ярко-багровое пятно.

— Это что? — испуганно спросила Дуня.

— Это засос. Через пару дней он потемнеет, потом посинеет, вокруг появится желтая каемка, в общем к субботе от синяка не отличишь. А бить и тискать тебя при этом не требуется.

— Ну мне таких засосов много надо — скажу, что по первости отбивалась от тебя из последних сил!

— Ладно, сколько надо, столько и сделаем.

Когда верхняя часть тела девушки была «обработана», она смущаясь и краснея, сказала, показывая на свои бедра и попку:

— А там как же? Тоже ведь места для щупанья самые подходящие…

— Ну, если ты минут на пять оголишь свою попку, то думаю я справлюсь.

— Ой, стыдобушка какая!

— Дуняша, ты опять?

— Ну дак как? Титьки показать али юбку задрать это ведь не одно и тоже!

— Ну, во-первых мы тебе ничего задрать не будем, а аккуратно завернем. А потом я обещаю, что ПОКА, тебя там трогать не буду, только те места, где будут оставлены следы.

Дуня опять покраснела и недовольно пробурчала:

— Ладно, давай, заворачивай. Так ты меня че в жо… ну в общем туда целовать будешь? Ой стыдоба… Только ты там ничего не разглядывай. Сделал дело и назад.

— О чем речь!

Дунину попку обработали за десять минут. Нил, как и обещал не стал там ни к чему прикасаться руками и она успокоилась. Следующий приступ стыдливости случился при переходе к передней части девичьего тела. Дуня стояла насмерть — она никому не позволить смотреть на свою… ну, в общем, на ЭТО место — не зря же у девушек это так и называется: «срам»! Она позволила поднять подол до верхней части бедер и лежала с пунцовым от стыда лицом, тесно сомкнутыми ногами и плотно прижимала подол к своему лобку обеими руками. Нил ограничился здесь парой следов, но большого размера.

Когда Дуня смогла одеться, на ее лице появилась довольная улыбка.

— Вот Нил, какой ты хитрый! И не бил, не мучил, а как разукрасил! Спасибочки тебе на этом.

— А ты отблагодари меня!

— Да как? Титьки ведь ты уже посмотрел и пощупал…

— Ну я тебя вон сколько раз целовал, и даже там, — показал на попку девушки. — а ты меня ни разу! Вот и поцелуй меня в губы!

— Да я не умею! Да и боязно…

— Я научу! А бояться чего — от поцелуев дети не рождаются!

— Так то оно так… Ладно, только я глаза закрою — стыдно.

Дуня закрыла глаза и стала столбом. Нил подошел к ней, слегка приобнял, запрокинул голову девушки назад и прошептал:

— Губы-то приоткрой, не укушу, не бойся.

Затем он обхватил Дуню крепче и впился в ее пахнущие свежестью алые пухлые губы. Когда девушка очнулась, то ощутила себя в крепких мужских объятиях. Она еле-еле смогла восстановить дыхание. После долгой паузы Дуня насмелилась спросить:

— Это все так в городе целуются?

— Не в городе, а в городе. Нет, не все. Только те, кто умеет. Я — умею. Понравилось?

Девушка смущенно отвернулась, но кивнула головой.

— А ты меня так еще будешь целовать?

— Если захочешь, буду. Только на сегодня хватит тебе приключений. Поздно уже, иди к себе. Неизменная сплетница-Маруська опять шепотом спросила:

— Ну, че, опять мучил?

— Ой, еле ноги унесла, а уж синячищев наставил — все болит. В бане покажу — подивись… А сейчас спать хочу, мочи нет…

В следующие дни Дуня постепенно привыкала к тому, что ее раздевают почти догола и она позволяет себя оглаживать и целовать свое тело взрослому мужику. Единственный бастион — ее пушистый лобок и щелка между ног. Она упорно прикрывала эти места скомканной исподней рубашкой и напрягалась всякий раз как руки мужчины приближались к этой зоне.

Нил не настаивал. ПОКА. У него было обширное поле деятельности: груди, живот, бока, попка, бедра. Как-то он заметив что ноги Дуныши после целого дня стояния в судомойне нервно подрагивают (одежда с девушки уже была снята, кроме неизменной «набедренной повязки»). Мужчина предложил размять ее ножки Он налил из чайника горячей воды в небольшой таз и заставил ее вымыть ступни, а потом, начал массаж — разминал, начиная со ступней мышцу за мышцей, косточку за косточкой. Когда он дошел до икр девушки, она лежала с улыбкой на лице и блаженно постанывала. «Набедренная повязка» давно соскользнула, ноги раздвинулись и Нил мог спокойно любоваться входом в девственную пещерку. Дуня, в блаженном полубабытьи не замечала этого. Разумеется, когда она немного пришла в себя, то моментально опомнилась и схватив свою тряпочную защиту стыдливо прикрылась, бормоча:

— Вот беда-то какая, срам показала, вот беда…

— Дуныша, ну какая беда? Ну показала и показала… От этого у тебя там дырочка меньше стала? Или твой пушистый бугорок облысел? Ну, проверь сама — все на месте.

Дуня сунулась было под свою «накидку», но тут же поняла что это подначка и только обидчиво сказала:

— Ой шутишь ты надо мной, Нил, все шутки шуткуешь над беззащитной девицей!

— Да какие шутки, Дуныша? Лучше иди ко мне, я тебя поцелую. Как тогда…

— С языком?

— С языком.

На этот раз поцелуй был таким долгим и сладким, что девушка едва не сомлела. Но опытный мужик вовремя вернул ее к действительности, быстро одел и отправил восвояси.

В субботу Дуня предьявляла бабам в бане следы своих «страданий». Они действительно выглядели впечатляюще. Один огромный «кровоподтек» на левой груди заставил завидующих холопок сочувственно заохать.

— Да как же ты, деушка таку страсть то терпела?

— Да уж не знаю деушки, думала оторвет мне титьку-то окаянный. Однако Бог миловал; Да как же он потом опять хватать начал — за все места, — Дуня поворотилась вокруг, демонстрируя свои «увечья». — Чисто зверь деушки, чисто зверь;

Даже сплетница-Маруська состроила сочувствующую гримасу. Бабы пошумели, обсуждая охальника и зверя, но в полголоса — Нила все боялись как огня. Потом одна из баб постарше подошла к ней с утешением:

— Каки страсти ты терпишь, деушка! Так может ты это; Покорись, чем так-то уродоваться. Ведь он так тебе и правда, оторвет или покалечит че ни то, потом уж взамуж точно никто не возьмет.

Бабы дружно зашумели:

— И то, покорись деушка, чем так-то страдать, лучше уж подневольной жить да не видать таких страстей;

Даже Маруська присоединилась к общему хору:

— И то Дуняша, правда, ты бы покорила, чем так-то страдать;

Дуня со скорбной миной выслушивала эти советы, а потом с тяжким вздохом сказала:

— Видать ваша правда, деушки, придется покориться ироду, чтоб ему ни дна, ни покрывки. Устала уж я битая да мученная ходить; Только и вы меня пожалейте — не хайте по всем углам. Все видите — не блядь я гулящая, а неволей замученная (Дуня в силу деревенского воспитания не знала, что экспрессивное слово на букву «б» является нецензурным).

— Бабы обещали «быть добрее» к несчастной деушке и постепенно разбрелись на помывку. А Дуня после бани неслась в комнатку к Нилу как на крыльях. Их нехитрая затея удалась! Теперь ей не надо портить тело «синяками», и она может невозбранно посещать Нила по вечерам. Она не хотела себе в этом признаваться, но привычка каждый день отдавать свое тело мужским ласковым рукам и губам крепко в нее въелась.

Нил встретил ее как всегда ласково, усадил за чай, выслушал ее сбивчивый рассказ о событиях в бане, похвалил за «артистизм». Потом призадумался и сказал:

— Значит ты пришла «покоряться»?

— Ну да. Они почитай меня всем миром уговаривали. А мне что делать, бедной девушке?

— А как ты будешь покоряться?

— Не знаю. Я ведь «дура деревенская» как Маруська говорит, ничего в ваших городских делах не смыслю;

— Хорошо, а если я тебе предложу нам обоим раздеться и вместе полежать?

— Ой стыдоба; Опять шуткуете Нил Петрович?

— Нет, не «шуткую».

— Так ведь вы сейчас позабавитесь, а мне потом век в бобылках ходить? Никто ведь

порченную не возьмет»;

— Дуняша, послушай меня внимательно. Тебе нравится проводить время со мной?»;

Отлично. А как я с тобой обращаюсь нравится?»; Понятно. И пока все что я с тобой делал доставляло тебе удовольствие, так? Ну вот видишь! А самый большой твой страх — это потеря девственной плевы»;

— Чего?

— Ну это то, что рвут после свадьбы»;

— Целка че ли?

— Да-да, она самая. Так что ты больше всего боишься потерять именно это?

— Н-ну да»; Сами знаете как потом относятся если без мужа-то»; Гулящей обзывают»; И еще по всякому»;

— Так вот Дуняша, прикосаться к этому твоему сокровищу я не собираюсь. Но обещаю, что если ты будешь послушной девочкой и не будешь кричать каждые пять минут про «стыдобу», мы с тобой получим массу удовольствий. Подчеркиваю: не только я, но и ты тоже. У меня большой опыт и я знаю о чем говорю. Ну как, согласна на такой расклад? И в любом случае ты останешься девственницей.

— Кем?

— Ну честной девушкой по-вашему»;

— Смотри Нил, коли обманешь! Утоплюсь ведь»;

— Дуняша, уже через месяц ты будешь смеяться над своими страхами!

Девушка с тяжкими вздохами но без сопротивления позволила раздеть себя донага.

Прикрывая ладошкой лобок она вопросительно взглянула на Нила. Тот взял ее за руку, подвел к кровати, откинул одеяло:

— Вот, приляг, отдохни.

Дуня, радуясь возможности прикрыться хотя бы одеялом, немедленно нырнула в постель.

Нил, раздевшись за ширмой, быстро очутился рядом с ней. Дав девушке немного согреться, он положил руку на ее грудь и начал «оглаживать». Дуня краснела, иногда смущенно хихикала, но всему было видно, что бесстыдная процедура доставляет ей удовольствие.

Разогрев девичье тело в достаточной мере, мужчина перешел к главному: положил руку на пушистый лобок девушки и накрыл ее рот глубоким и страстным поцелуем. Дуня вначале дернулась было, но потом размякла и едва отдышавшись после поцелуя робко спросила:

— Что дальше со мной делать будешь, Нилушка?

— Не бойся Дуняша, никто тебя не обидит. Давай лучше проверим твою щелочку!

— Стыдно»;

— Да ты сама, своей рукой — тут-то какой стыд?

Он взял девичьи пальцы и прижал к девственной щелке:

— Ну-ка, сунь туда кончики пальцев!

Затем он вытащил руку девушки из-под одеяла и прижал ее ладошку к ее же щеке:

— Ну как?

— Мо-окро. — дрожащим голосом ответила Дуня.

А матерый «женолюб» уже прижимал ее руку к груди:

— А соски как — торчат?

— Торчат. — едва слышно выдохнула девушка.

— Во-от. А это значит, что ты хочешь мужчину!

— Как это?

— Ну… мужской э… орган в свою щелочку.

— Так нельзя же!

— Мы и не будем. Я доставлю тебе удовольствие другим способом. Только не брыкайся и не кричи «стыдоба!». Хорошо?

— Л-ладно…

Нил положил девушку на спину, развел ее ноги в стороны, и заставил согнуть их и поднять вверх. Потом взгромоздился сверху, взял рукой свой торчащий колом «инструмент» и пристроил его прямо поверх половых губок Дуни. Затем бессовестный охальник крепко ее обнял, прижал свой орган к девственному отверстию (не входя в него) и начал активно тереться об него своим «колом». Девушка удивленно охнула, напряглась, но после крепкого поцелуя расслабилась и затихла. Нил активно продолжал свои бесстыдные действия и через несколько минут она начала подрагивать и тяжело дышать, а еще через минуту тоненько вскрикнула, а потом тихо и протяжно застонала:

— У-у-о-о-й, Нилушка…

Тот еще немного поелозил по хлюпающей от влаги щелке, потом сполз с девичьего тела и вытянулся рядом. Подождал, пока девушка отдышится и спросил:

— Хорошо тебе было, Дуняша?

— Ох, Нилушка! — девушка вдруг приподнялась и неумела чмокнула его в губы. — Ох, удоволил ты меня… А я глупая так боялась, так боялась…

— Ничего, Дуняша, то ли еще будет! И заметь — сокровище твое при тебе осталось!

Мужчина приник губами к девичьему алому и пухлому рту. Отдохнув с полчасика, «развратники» повторили опыт с еще более успешным результатом: девушка уже не боялась и сама «подмахивала» своим упругим телом в такт движениям партнера. Отправляя ее к себе он строго наказал:

— По пути зайди на кухню, умойся холодной водой… Глаза тряпкой разотри — будто ревела. А то вон как разругалась, а глаза горят…

Нил приохочивал пугливую девицу к удовольствиям целую неделю. Дуняша каждый день летела в его каморку как на крыльях. Она уже сама раздевалась донага, подставляла Нилу губы для поцелуя и залезала в постель. Девушка безропотно позволяла трогать и целовать себя за все места, а когда бессовестный охальник залез своими пальцами в ее девственную щелочку, она только тихонько ойкнула и смущенно уткнулась мужчине в плечо. А когда Нил хорошенько «поласкал» ее там рукой, Дуня страстно (научилась уже!) поцеловала его в губы и прошептала:

— Нилушка… Как хорошо…

Мужчина, после очередного акта трения членом о девичью щелку, улегся рядом с девушкой. Он взял ее руку и неожиданно положил на свое напряженное достоинство. Дуня испуганно вскрикнула, но руку не отдернула. Помолчала и шепотом спросила:

— А это твой этот… член? (Нил уже научил ее произносить это слово вместо деревенских хер и хрен). И ты меня им ТАМ пользуешь?

— А хочешь на него посмотреть?

— Н-ну давай…

Нил откинул одеяло и приподнял рукой свое торчащее колом достоинство. Затем взял девичью ладошку и заставил ее обхватить каменный ствол.

- Ой, какой большой! И горячий! А почему он горячий?
- Потому что ты рядом голенькая и красивая и он хочет твою щелочку…
- Ой! Да ведь нельзя!
- Да уж, нельзя… Ну ты хоть поласкай его своими ручками.
- А как?

Нил положил свою руку поверх Дуниной, заставил ее пальцы сильнее охватить свой агрегат и несколько раз двинул ее рукой вдоль ствола.

- Вот так. Только еще сильнее сожми и рукой двигай быстрее!
 - А тебе будет приятно?
 - Приятно… Конечно не так приятно как в щелочке, но все равно хорошо…
- Дуня, наклоняясь, старательно надрачивала ствол своего «учителя разврата», постепенно убыстряя движения. Через пару минут агрегат в ее руке дернулся и несколько горячих и клейких струй ударили девушке в лицо.

— Ой, Нилушка, что это? Мне все глаза залило!

Нил налил из чайника в тазик теплой воды и собственноручно вымыл обконченную мордашку юной любовницы. Когда он вытер насухо ее покрасневшее личико, то уложил обратно на постель и счел нужным пояснить:

— Это сперма… Не понимаешь? Ну в общем та жидкость, которую мужчины заливают женщинам, чтобы те забеременели… Ну, забрюхатели по вашему.

- Ой, а я не забрюхатею… То есть не… забеременею?
- Глупенькая, для этого надо это в твою щелку заливать и желательно поглубже!
- Фу-у-х, я уж испугалась! А тебе правда было хорошо, Нилушка? Давай я тебе так каждый день ласкать буду твой… член.
- Да, правильно называется этот орган — мужской половой член. А твоя щелочка называется влагалище.

Дуня про себя, шевеля губами произнесла новые слова.

- Ой, влагалище! А это потому, что туда что-то влагают.
- Ну да, влагают, вкладывают. Вот его например, — Нил кивнул на свой порядком сдувшийся орган.

- Ой, Нилушка, а он теперь лежит! А только что торчал кверху…
- Он торчит тогда, когда тебя хочет. У тебя же щелка не всегда мокрая.
- Ой, пока ты меня трогаешь и целуешь почти все время…
- Ладно, раздвигай ножки. Еще раз убогаторим твою щелочку…

Дуня не забывала каждый вечер перед приходом в людскую умыть глаза и растереть глаза — чтобы не сиять своим счастливым личиком и не будить зависть товарок. Однажды Маруся вновь начала ее пытаться:

- Ну как он, не бьет, не мучает как раньше?
- Бить не бьет, а мучить — мучает, но уж не так больно — сама ведь даюсь…
- А не чудит?
- Как это?
- Говорят он девкам в рот заталкивает!
- В рот, — ужаснулась Дуня.
- Ага. И тебя то же ждет, подружка. Погоди только.

У Дуни резко упало настроение. Она тяжело вздохнула, на глазах выступили слезы.

— Ты поплачь, поплачь, все легче будет, — Маруся погладила ее по плечу. — неволею ведь забавой извергу служишь»;

На другой день Дуня шла в каморку Нила терзаемая тяжкими мыслями. Он с порога увидел ее смурное лицо и ласково обняв спросил:

— В чем печаль, Дуняша? Случилось чего?

Девушка долго молчала, потом все же решилась:

— А правда ты девок в рот заставлял брать свой»;

Нил помолчал, собрался с мыслями.

— Дуняша, послушай меня внимательно. Вот когда мы целуемся, тебе приятно? Во-от. А когда я тебе язык туда всовываю — еще приятнее? Во-от. А если ты возьмешь в рот мой»;

— Поняла»;

— Да ведь ты про что только не говорила — «стыдоба». Буквально про все, чем мы здесь занимаемся. А теперь сама раздеваешься и щелочку трогать позволяешь и дружка моего сама на нее пристраиваешь. И уже нет никакой стыдобы. Разве не так?

— Да все так, Нилушка. И я с радостью все это делаю, мне хорошо с тобой. Только»; Ты очень хочешь чтобы я взяла в рот твой»;

— Ну сама посуди, Дуняша. Вот он встал, удовлетворил твою щелочку, а потом остается стоять. А это вредно для здоровья.

— Ну если только для здоровья, — тяжело вздохнула девушка. — а рукой — тебе не нравится?

— Очень нравится, Дуняша! Только ведь рука — это не рот. Рука теплая и сухая. А ротик — горячий и мокрый, как твоя щелочка.

— Да поняла я»; Раз в щелочку нельзя»; А ты прямо сейчас будешь»; ну это»;

— Если хочешь, можем попробовать. Только давай сначала потешим твою щелку, раздевайся, моя хорошая.

После акта со щелкой Дуня, уже без всяких признаков грусти лежала рядом с мужчиной и поглаживала его окаменевший орган.

— Бедненький! Ты так потрудился»; Сейчас мы и тебя порадуем. Нилушка, ну давай, учи меня глупую, что делать.

Нил положил на пол небольшую диванную подушку, несколько раз глубоко поцеловал девушку в губы, затем легким нажатием на плечи заставил опуститься коленями на нее. Раскрасневшаяся от смущения и поцелуев Дуня выжидательно смотрела на мужчину.

— А теперь, Дуняша, возьми его своей ручкой и сдвинь кожу так, чтобы головка вышла наружу. Теперь поцелуй ее. Еще. А теперь полижи язычком. Намажь всю головку своей слюной»; Во-от. теперь открой ротик и приготовься. не пугайся и не дергайся резко — еще прикусишь! Теперь держись вот так рукой за мою ногу — если надо будет быстро остановиться постучишь пальчиками по ноге. Все поняла? Ну, поехали!

Он медленно ввел свой орган в Дунин рот, взял ее голову рукой сзади за затылок и медленно надавил, Голова девушки качнулась вперед и ротик сам нанизался на толстый член. Нил постепенно убыстрял темп движений. Теперь он двигал и своим агрегатом и девичьей растрепанной головой. Внезапно Дуня стукнула пальчиками в бедро мужчины. Он быстро вынул член и спросил:

— Что, больно?

— Не-ет! Слюни текут…

Действительно, прямо от девичьего рта по подбородку и груди тянулись слюнные дорожки.

— Не бойся, пускай текут. Потом вымоем и вытрем. Готова? Поехали дальше.

Нил, хоть и был прилично возбужден, действовал аккуратно. Он вовсе не хотел напугать Дуню, а тем более вызвать у нее отвращение. Он минут пять шуровал своим концом в девичьем ротике, а перед тем, как кончить, отодвинулся и вынул свой орган почти на половину. Когда густые струи полились ей в рот, Дуня вздрогнула и вопросительно посмотрела на мужчину.

— Потерпи еще секундочку, — Нил ласково погладил ее по голове.

Секунд через десять его член выпустил из себя последние капли был вынут изо рта девушки, Та стояла на коленях с тесно сжатыми губами и вопросом в глазах. Из уголков рта стекали ручейки семенной жидкости.

— Дуня, ты как? В порядке, не тошнит? — девушка помотала головой. — Если хочешь можешь сплюнуть на эту салфетку, а хочешь — проглоти, это не опасно.

Девушка несколько секунд думала, потом начала делать глотательные движения. Когда она закончила, Нил взял ее за руку, поднял и усадил за стол. Налил теплой воды в тазик и намочив салфетку начал легкими ласковыми движениями смывать следы спермы и слюней с лица, подбородка, шеи и груди Дуни.

— Вот, моя хорошая, ты уже чистенькая. Как, отдышалась? На-ка, запей мое угощение.

Он дал ей стакан сладкой воды — разведенный мед. Когда Дуня пришла в себя, то обнаружила себя в постели с Нилом, который всю ласкал ее груди и щелочку. Девушка уже хотела отдаться возбуждению, но все же решила спросить:

— Нилушка, а ты меня в губы теперь целовать будешь, не побрезгуешь?

— Дуняша, о чем ты? Чем тут брезговать? Член ведь мой? И семя тоже мое. Так что открывай свой ротик для поцелуя…

Отдышавшись после длительного поцелуя, счастливая девушка взяла в руку мужской орган и начала по-хозяйски укладывать его поверх своих возбужденных губок.

После удовлетворения девичьей щелки Нил разрешил Дуне еще раз ублажить свое торчащее вверх хозяйство рукой, а семя слил в салфетку.

После нескольких недель таких упражнений, Дуня чувствовала себя все смелее. Она сама раздевалась донага, укладывалась с голым мужиком в постель, и позволяла Нилу ласкать себя где ему заблагорассудится. А когда он добрался до ее анальной дырки, девушка немножко смутилась, но моментально что-то сообразила и прошептала мужчине на ушко:

— Нилушка! Давай в следующий раз я подмоюсь. И тогда трогай меня где захочешь…

С тех пор к ее приходу всегда был готов тазик с теплой водок и кусок ароматного «господского» мыла. Дуня раздевалась, садилась над тазиком и тщательно намыливая подмывала и переднюю и заднюю дырки.

Однажды она засунула в попку палец довольно глубоко и к своему удивлению ощутила волну возбуждения. В следующий раз она совала уже два пальца. На входе было немного больно, но и возбуждение было сильнее. Девушка задумалась.

— А если его… член туда засунуть? Ой больно-то будет! А потом, наверное, ой как хорошо… Как бы Нила спросить? Да он наверное и побрезгует — все-таки дырочка-то

грязная, не то что «передок». Но палец мне он туда сует! Может намекает на что?

Однажды, перед походом к любовнику, Дуня специально второй раз за день сходила в туалет «по большому», тщательно там потужилась. Придя к Нилу она вымыла свои дырочки особенно старательно. Потом дождалась когда мужчина своей блуждающей по ее нагому телу рукой доберется до ее попки. Когда его палец привычно погрузился в заднюю дырку, девушка накрыла его руку своей и задержала мужской палец в заднем проходе. Потом вкрадчивым голосом спросила:

— Нилушка, а правда что мужчины могут любить девушек не только в переднюю щелочку, но и в заднюю?

Нил удивленно посмотрел на свою «подружку»:

— Ох, ты моя хорошая, молодая да ранняя! А откуда ты это взяла?

— Да девки в людской болтали…

— А они откуда взяли?

— Митрофан-кучер рассказал. У него приятель есть — собутыльник. Так вот этот приятель служит у одного офицера. А этот офицер часто ездит на эту… «секретну фатеру» и там встречается с другим офицером. Так вот, Митрофан говорил, что они друг друга в жо… ну в общем в зад любят.

— Не «секретна фатера», а секретная квартира, — автоматически поправил ее Нил (Дуня сама просила его об этом, она очень хотела научиться говорить «по господски»). Ну а насчет рассказа Митрофана… Такое бывает. Если между мужчинами, то это называется «педерастия».

— А если мужчина женщину так? Как называется?

— Анальный половой акт. А ты с какой целью спрашиваешь? Сама что ли хочешь попробовать?

— Так если не побрезгуешь… В передок ведь нельзя! А ты же палец туда сует! И мне приятно… А сейчас — вон как мне дырку-то нагрел!

Нил задумался. Он сам хотел предложить ей такой способ удовлетворения, но попозже, когда девушке немного повзрослеет. Дуня ему очень нравилась и он поощрял ее попытки говорить правильной речью, подарил ей «Азбуку» и девушка потихоньку училась грамоте. Навредить ей своими неумеренными желаниями мужчина не хотел. Но… раз уж Дуняша дошла до этого своим умом…

Он вздохнул и сказал:

— Я то согласен, моя хорошая, только ведь первый раз ТУДА довольно больно.

— А потом?

— Девушки говорят что приятно. Одна так кричала от этого.

— Как это?

— Ну тебе когда хорошо, ты стонешь? Вот. А кто-то кричит…

Дуня раздумывала минут пять.

— Нилушка, давай попробуем. Тебе-то уж точно хорошо будет…

— А ты?

— Ну я раз-два потерплю. А потом авось легче будет.

— Ну ладно, только дырочку все равно надо смазать и растянуть.

— А чем мазать?

— Вазелином.

— А у тебя есть?

— У меня все есть; Ложись на животик.

Дуня быстро перевернулась на живот и слегка приподняла попку. Нил нашел баночку со смазкой и указательным пальцем отправил солидную порцию в ее анальный проход. Он хорошенько пошуровал там, смазывая стенки.

— Ты как там, не больно?

— Нет, только; как-то непривычно.

— Ну еще бы у тебя привычка была. Ты ведь девственница! А теперь я введу в тебя два пальца, подержу там. А через полчаса — три. А потом можно и членом попробовать; Нил поставил Дуню на четвереньки, последний раз растянул тремя пальцами дырочку и поднес обильно смазанную головку к ее коричневатому колечку и не очень сильно, но настойчиво надавил головкой. Спустя пару секунд колечко поддалось напору и головка проскользнула в задний проход девушки. Дуня громко ойкнула и с шипением втянула воздух. Нил остановился.

— Больно?

Дуня молча кивнула.

— Вынуть?

Девушка отрицательно замотала головой. Сквозь шипение донеслось:

— Сейчас, притерплюсь;

Нил дал Дуниной попе пару минут чтобы растянуться и начал тихонько двигать своим органом. Шипеть от боли девушка перестала, но по ее позе было件нятно, что все-таки до удовольствия еще далеко. Спустя минут пять Дуня сама начала подаваться попкой навстречу члену. Нил задвигался быстрее и с каждым взмахом девичьей попки продвигался все дальше. Горячее тесное отверстие плотно сжимало мужской агрегат и он вскоре был готов излиться. Мужчина легко застонал и выпустил свои «любовные соки» в глубину девственной попки. Он вынул из растянутой дырки член и положив руку ей на спину, заставил лечь на живот.

— Больно было? — Дуня кивнула и подняла лицо — в глазах девушки стояли слезы.

— Но в конце почти ничего; А когда ты в меня кончал, у меня даже в щелочке немного мокро стало. Нилушка; Я еще хочу;

— Отдохни сначала. И подмойся — семя-то рядом со щелкой. И когда будем еще ТУДА делать не забывай подмываться.

Полежав с полчаса, повторили попытку. На этот раз боли было меньше, а смазки в «передней» щелочке выделилось еще больше.

На другой день все повторилось. Дуня почти не чувствовала боли и была довольна тем, что доставляет удовольствие любовнику. А во время пятой попытки девушка начала постанывать. Нил было остановился, но она начала сама активно насаживать на его член свое хлюпающее от смазки отверстие. Вдруг Дуня громко и протяжно охнула, сделала еще несколько движений и рухнула на живот. Нил, орган которого уже начал изливаться, большую часть жидкости выпустил на спину юной любовницы. Мужчина взял чистую салфетку и вытер девушку, потом прилег рядом. Минут через пять Дуня пошевелилась, повернулась к Нилу лицом и крепко прижалась юным горячим упругим телом.

— Нилушка, как же мне хорошо! Как ты все ласково и приятно делаешь! А сейчас я думала в рай улечу, аж в глазах помутилось. Ты меня теперь каждый день в попку любить будешь?

— Ну если ты так хочешь;

— Хочу, Нилушка, сил нет как хочу! А я каждый день буду в ротик брать и все до капельки глотать! Согласен?

— Согласен, Дуняша. Только ты подмываться не забывай!

— Ой, уже бегу!

С этого момента Дунина попка не знала простоя. Нил так ее разработал, что проникновение туда почти не требовало подготовки — два пальца в смазке и можно вставлять. Нил с удовольствием осеменял задний проход девушки — ее упругая тесная дырка доставляла большое удовольствие. Дуня же охотно и с удовольствием брала член любовника в рот, глотала сперму и целовала его яйца. Она привыкла к мужчине, и воспринимала анальные акты как обычную половую жизнь.

Нил как-то снял со стены зеркало и поставил в ногах кровати. Затем посадил Дуню «по турецки», заставил хорошенько раздвинуть ноги и она, глядя в зеркало прошла краткий курс женской анатомии. Мужчина раздвинул ее половые губы и показал Дуне девственную плеву, клитор, анус; рассказал об устройстве влагалища и матки и общей схеме беременности и родов. Потом уже на своем примере рассказал об устройстве мужских органов.

Девушка слушала как завороженная.

— Ой Нилушка, какой ты умный, все знаешь, обо всем понимаешь! Вот бы и мне так-то…

— Учись — не ленись и ты поумнеешь.

— Нилушка, да я с радостью! Ты меня почаще темную направляй да наставляй: я памятливая, все запомню…

Однажды девушка из любопытства упросила Нила вставить ей член в переднюю щелку «на сколько войдет». Вошла только головка — дальше не пускала девственная плева. Дуня взяла член за ствол, поелозила головкой по клитору и со вздохом заключила:

— А в попку-то — приятнее…

Девушка самостоятельно додумалась до того, член можно класть между грудей или засовывать под мышку. Только лучше со смазкой. Она часто клала Нила на спину и елозила своими возбужденными сосками по его животу, лобку, члену, верхней части бедер, от чего мужчина страшно возбуждался. Таким образом, формально оставаясь девственницей, Дуня знала и умела столько, что было бы в пору опытной проститутке, не говоря уж об обычных женщинах.